

Исследователи финно-угорских (уральских) языков встречаются регулярно — каждые пять лет — на международных конгрессах. Однако наряду с этими крупными форумами необходимы и симпозиумы с меньшим числом участников, где обсуждается более четко ограниченный круг вопросов. Проведено уже три таких симпозиума по фонологии уральских языков. Рецензируемая книга содержит тексты докладов первого международного симпозиума, посвященного диалектологии уральских языков. К сожалению, участие советских ученых в работе подобных симпозиумов пока остается минимальным. На упомянутом симпозиуме по диалектологии присутствовали десять представителей из Венгрии, пять — из Финляндии, три — из ФРГ и по одному — из Советского Союза, Австрии и Швеции. Правда, рецензируемый сборник содержит статьи шести советских авторов, поскольку тексты докладов для опубликования прислали и те ученые, которые не смогли приехать на симпозиум; однако и это число не отражает вклада ученых нашей страны в развитие данной отрасли науки.

Чтобы оценить важность диалектологии для уралистики в целом, следует напомнить, что многие уральские языки относятся к младописьменным или бесписьменным вообще. Разница между основными диалектами ряда уральских языков (хантыйский, саамский, эстонский) подчас больше, чем между некоторыми славянскими или германскими языками. В связи с малочисленностью письменных памятников диалектный материал представляет собой главный источник для сравнительно-исторического исследования уральских языков. Однако многие диалекты еще слабо изучены, а часть из них находится в стадии отмирания вследствие влияния литературного языка или перехода носителей диалекта на другой язык. Направив все свои усилия на сбор и публикацию фактического материала, диалектологи-уралисты до сих пор не могли уделять достаточного внимания разработке теоретических вопросов. Следует также отметить, что различия в методике и традициях разных исследовательских центров иногда затрудняют взаимопонимание ученых и использование результатов работ друг друга. В связи с вышесказанным понятна актуальность состоявшегося в Гамбурге симпозиума.

В статьях рецензируемого сборника обсуждаются как общие теоретические

и методологические проблемы диалектологии, так и классификация диалектов конкретных языков. Прежде всего останемся на статьях первой группы тем.

В статье П. Х а й д у (Будапешт) «Понятие диалекта в уральских языках» как одно из средств различения языка и диалекта используется критерий «понятности»: если люди понимают друг друга, значит, они говорят на диалектах одного языка, если нет, то на разных языках. Этот критерий не всегда применим: например, носители некоторых селькупских диалектов не понимают друг друга. Хайду согласен с Ч. Хоккетом, по мнению которого диалекты относятся к одному языку, если наличие диалектная цепочка, часть звеньев которой взаимно понятны, а крайние периферийные звенья не обязательно должны быть таковыми. Хайду выделяет две задачи, стоящие перед специалистами по уральским диалектам: 1) сбор дополнительного материала, который поможет преодолеть существующую односторонность (большинство изданных текстов имеет фольклорное содержание, мало данных о разговорном языке, употребляемом в различных ситуациях), 2) международное сотрудничество в интересах создания банка данных для ввода в ЭВМ.

Б. А. С е р е б р е н и к о в (Москва) заострил внимание на двух основных проблемах: уточнении критериев диалектного членения и методологии описания отдельных диалектов. Автор критически отнесся к получившей кое-где распространение традиция составлять явления изучаемого диалекта с таковыми в литературном языке без описания диалектной системы в целом.

Т. Ф а з е к а ш (Будапешт/Гамбург) подчеркивает необходимость использования достижений социолингвистики в уральской диалектологии.

С. С а р п н е н (Турку) информирует о применении ЭВМ при изучении фонологии и морфологии диалектов в Туркуском и Хельсинкском университетах. Среди разработок в этом направлении наиболее сложной представляется созданная К. Коскенниemi система — так называемая морфология двух уровней. Она позволяет автоматически распознавать встречающиеся в тексте формы, а также образовывать формы от данных основ и суффиксов [1].

Главный организатор симпозиума В. Ф е з н к е р (Гамбург) поставил перед собой задачу создать единую модель.

для описания всех диалектов уральских языков. В сборник вошли его статьи «Предложение о модели фонологического описания уральских языков и диалектов» и «Предложение о единой модели морфологического описания уральских языков и диалектов», а также статья Я. П у с т а и (Будапешт/Гамбург) «Размышления о единой модели морфологического описания уральских диалектов».

Описание вокализма, по модели Фезнкера, происходит на основе следующих критериев: положение языка по подъему и ряду, способ артикуляции (ртовый, носовой), лабиализация, долгота. Свойства каждого гласного выражает код, состоящий из шести цифр, расположенных в определенной последовательности. Первая из них показывает высоту гласного и варьирует от 1 до 6, причем цифра 1 обозначает самый высокий, а 6 — самый низкий гласный. Далее следующие цифры показывают меру принадлежности гласного к переднему или заднему ряду, всевозможные комбинации ротового или носового произношения и лабиальности/нелабиальности, степень долготы и, наконец, участие гласного в корреляциях переднерядный/непереднерядный, лабальный/нелабальный в случае одинаковой высоты гласного. По тем же принципам описываются и согласные с помощью 6-значных кодов, элементы которых показывают способ артикуляции (взрывные, фрикативные, аффрикаты, бочковые, дрожащие, носовые), активный и пассивный органы произношения, звонкость/глухость, палатализация, а также фонологическую функцию звонкости и палатализации. Ту же модель применил Э. Ф. Ш и ф е р (Мюнхен) для описания фонетических систем хантыйских диалектов.

В связи с практическим использованием модели Фезнкера возникают некоторые вопросы. По модели, высоту гласного можно передать шестью цифрами, однако не известно ни одного уральского диалекта с шестью фонологически релевантными степенями высоты. В вах-васюганском диалекте хантыйского языка выделяются три степени высоты, которые Э. Ф. Шифер обозначает как 1, 3, 5. Почему выбрал он именно эти цифры? Если учесть, что места произношения фонем имеют тенденцию располагаться на одинаковом расстоянии друг от друга, вполне подошли бы и коды 2, 4, 6. Очевидно, экспериментальная фонетика тоже не дает объективной основы для выбора, поскольку если, например, в диалекте отсутствует фонологическая противопоставленность высокого и сверхвысокого гласного, произношение в рамках соответствующего отрезка может варьировать. Модель позволяет выделить че-

тыре ступени гласных по ряду, которые Фезнкер называет vorne, vorn/mitte, mitte/hinten, hinten. Эта система неудобна для диалектов, в которых противопоставляются три ряда гласных. Такого положение, например, в вах-васюганском диалекте, где фонему э Шифер определяет как mitte/hinten. Правомерен вопрос: а почему не vorn/mitte?

Ценность фонологического кода Фезнкера заключается прежде всего, наверно, в том, что с его помощью обеспечивается большее единообразие в обозначениях, чем при фонологическо-фонетических символах, которыми пользуются разные авторы, хотя в определенной мере не исключен и произвол при применении этого кода. Несомненно, что цифровые коды для обработки на ЭВМ более приемлемы, чем буквы фонетической или фонологической транскрипции, снабженные диакритическими знаками.

Модели — как Пустаи, так и Фезнкера — для описания морфологической системы диалектов с помощью цифровых кодов обозначают морфологические категории и членов словоизменительной парадигмы. Во избежание путаницы, вызываемой неоднородностью терминологии, опи, конечно, полезны. Однако для получения информации о том, какой конкретный звуковой облик имеют формы, выражающие грамматические категории, необходима еще морфонологическая модель. В рецензируемом сборнике она отсутствует. Фезнкер отмечает, что модель описания морфонологии еще не разработана им до конца. Можно полагать, что это — задача нелегкая, особенно если принять во внимание прибалтийско-финские и саамский языки, чрезвычайно богатые морфонологическими чередованиями.

Остальные статьи сборника касаются вопросов диалектного членения конкретных языков. О венгерских диалектах пишут Л. Б е н к ё, Й. К и ш ш и Й. М о л н а р (все — Будапешт). Из прибалтийско-финских языков отдельные статьи посвящены только финскому (П. Л е х т и м я к и, Хельсинки) и карельскому (П. В и р т а н т а, Хельсинки); кроме того, рассматривается один случай контактирования водского и ижорского диалектов (С. С у х о н е н, Хельсинки); гипотезу об историческом формировании прибалтийско-финских диалектов предлагает Т.-Р. В и й т с о (Таллин). Статья Вийтсо содержит особенно много новых положений. Если существующие классификации эстонских диалектов выделяют две или три основные диалектные группы, то у Вийтсо их пять: южная, северная, восточная, северо-восточная и прибрежная. Основными карельскими диалектами он считает се-

верный, южный, ливвиковский и два лудиковских. Вместо трех вепсских диалектов Т.-Р. Вийтсо предлагает в качестве основных два: северный и собственно вепсский. Такое членение обосновано древообразной схемой генезиса прибалтийско-финских диалектов, на которой с каждым ответвлением связаны какие-либо фонетические или морфологические явления. Неизбежный недостаток древа-схемы состоит в том, что она способна отразить лишь одну сторону процесса формирования диалектов, а именно — дивергенцию; важна же и другая сторона явления — конвергенция (значение ее не отрицает и Вийтсо), более поздние контакты обособившихся диалектов, а также независимые параллельные явления. Бросается в глаза, что в ряде случаев определенные диалекты характеризуются признаками, в действительности распространенными в более широком ареале, чем представлено на схеме: признак (11) $*\check{r}p$ $*tt$ $*\check{i}k > p\ t\ k$ в любой позиции, (14) и (15) $*\check{l}k$ $*r\check{k} > l\ j$ $r\ j$ перед передним гласным; (18) утрата слабоступенного $*i$; (21) u и $\ddot{u}$ в окончании 3-го лица наст. времени. Явная ошибка допущена в связи с признаком (17), где $*t > \delta \sim d \sim r \sim l$ приписывается восточнофинским диалектам, встречается же этот переход в западнофинских (см. расширенный вариант статьи Т.-Р. Вийтсо [2]).

Рецензенту трудно согласиться с предположением Т.-Р. Вийтсо о старой диалектной границе, которая якобы отделяла севернокарельские и ижорские диалекты от остальных карельских (см. также [3]). Вийтсо опирается на тот факт, что во всех карельских диалектах, кроме севернокарельского, и во всех вепсских диалектах произошло озвончение k , p , t , s в соседстве со звонкими. Однако явление это вызвано влиянием русского языка и не обязательно предполагает тесные контакты между соответствующими прибалтийско-финскими диалектами. С другой стороны, Вийтсо объясняет все общее для собственно карельских и ижорских диалектов явления чередования ступеней (например, иж. *pitkä* «длинный», ген. *pidän*) конвергенцией, происшедшей позднее, чем озвончение взрывных и s . Это маловероятно, ибо уже в первые века нашего тысячелетия обособились значительные ареалы проживавших по берегам Невы ижорцев и различных карельских племен, разбросанных по территории современных Восточной и Северной Финляндии и Карельской АССР; ср. [4].

О саамских диалектах пишет П. Саммалаhti (Оулу) и Л. Г. Дарссон (Упсала). Первый поднимает принципиаль-

ный вопрос: можно ли в рамках одной классификации объединить политический, коммуникативный и исторический аспекты. Мордовские диалекты классифицирует Л. Керестеш (Дебрецен), марийские — Г. Берещки (Будапешт) и С. Сааринен (Турку). Удмуртские диалекты рассматривают С. Чуч (Будапешт) и В. К. Кельмаков (Ижевск), коми диалекты — А.-Р. Хаузенберг (Таллин) и К. Реден (Вена). Мансийским диалектам посвящены статьи Л. Хойт (Будапешт) и Б. Кальмана (Дебрецен), многочисленным хантыйским диалектам — только одна работа Э. Ф. Шифера. Среди статей по самодийским языкам наиболее обстоятельная принадлежит перу Т. Янурика (Сегед) — о венецких и селькупских диалектах. Он выбрал 76 фонетико-фонологических явлений венецких диалектов и 77 явлений селькупских диалектов для различения диалектов между собой. Для каждого языка за основу берется один диалект, с которым сопоставляются все остальные; по количеству отличительных черт все диалекты можно разместить в ряд. Ценность таких, выраженных количественно, результатов все же снижает то обстоятельство, что автор не предлагает каких-либо объективных критериев подбора дифференцирующих явлений. Е. Хелимский (Москва) рассматривает основные диагностические признаки, позволяющие классифицировать материалы конца XVII — начала XX вв. по энецкому языку с точки зрения их принадлежности к одному из двух (тундрный и лесной) энецких диалектов. А. Кюннап (Тарту) подчеркивает большую роль морфологических черт при классификации селькупских диалектов. Он затрагивает и вопрос о диалектном варьировании малоизвестного (к настоящему времени практически утраченного) камасинского языка.

Кроме венгерского и финского, в сборнике лишь по удмуртскому языку статья написана ученым, исследующим родной для него язык.

Роль разных языковых уровней в диалектном членении не для всех языков одинакова. И все же в данном сборнике все классификаторы на первое место ставят фонетические признаки. Одни авторы исходят из своеобразия фонологических систем современных диалектов, другие — из распространения диахронных звукоизменений. При различении финских диалектов важно учитывать морфонологические чередования. Морфологические признаки, наряду с иными, используются при классификации финских, карельских, марийских, удмуртских и селькупских диалектов. О значении лексических признаков речь идет в связи с ка-

рельским, саамским, удмуртским и коми языками.

Рецензируемый сборник отличают многообразие затронутых теоретических и методологических проблем и поиски их новых решений, поэтому он представляет интерес не только для специалистов по уральским языкам.

Лаанест А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Koskenniemi K.* Two-level morphology: a general computational model for

word-form recognition and production // Publications of the Department of General Linguistics. University of Helsinki. 1983. № 11.

2. *Viitso T.-R.* Läänemeresoome murdeliigenduse põhihooned // Keel ja Kirjandus. 1985. 7.
3. *Viitso T.-R.* Finnic gradation: types and genesis // СФУ. 1981. XVII.
4. Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и молдавские языки. М., 1975. С. 9.

Дикционар диалектал (кувинте, сенеурь, форме). Кишинэу: Штинца. Волумул I. 1985. 289 паж. Волумул II. 1985. 310 паж. Волумул III. 1986. 251 паж. Волумул IV. 1986. 276 паж. Волумул V. 1986. 275 паж. Редактор респонсабил Удлер Р.

«Диалектологический словарь (слова, значения, формы)» (далее — ДС) подготовлен Отделом диалектологии и лингвистической географии Института языка и литературы Академии наук Молдавской ССР (соавтители: Р. Я. Удлер, В. А. Комарницкий, А. Т. Ченушэ, В. К. Павел, А. Н. Думбрэвяну, В. Ф. Мельник, А. П. Евдошенко, В. В. Корчмарь, Г. М. Гожин, Ш. П. Маткаш и П. Г. Вережан). Словарь предваряют Введение (с. 5—23) и три приложения: «Приложение I» — «Список используемых работ», «Список сокращений», «Фонетическая транскрипция» (с. 24—31), «Приложение II» — «Список анкетаторов» (с. 32—34), «Приложение III» — «Список населенных пунктов, обследованных для „Молдавского лингвистического атласа“» и «Список населенных пунктов, обследованных для региональных глоссариев, фольклорных сборников и др.» (с. 35—64).

Появление любого словаря, а тем более диалектологического, — значительное событие в филологии. Ведь диалектные слова не нормированы, вариативны, много- и сложнзначны. Работа над таким словарем требует значительно больших усилий, чем работа над словарем литературного языка. Видимо, поэтому диалектологических словарей создано и издано меньше, чем словарей литературного языка, хотя диалектов значительно больше, чем литературных языков.

В молдавском советском языкознании такой словарь составлен впервые. Форма представления материалов нестандартна. Ее своеобразие продиктовано целями ДС, его источниками и, главное, его материалами.

В словарь включены слова, словосочетания, выражения, их значения и формы, которые употребляются молдавским на-

селением на территории МССР на Украине, в Абхазии, РСФСР, Казахстане, Киргизии и др., а также носителями разных восточнороманских говоров Закарпатской и Черновицкой областей УССР. Он содержит чрезвычайно богатый материал, свидетельствующий о том, что лексика народной речи изобилует множеством форм и значений (до сих пор не зафиксированных в словарях), которые точно передают названия реалий, часто характерных для молдавского быта, среды, названия растений, животных и местного рельефа, названия различных действий и процессов, названия детских игр и верований и т. п., что в итоге отражает специфику речи молдавского региона.

ДС — по своему содержанию, способу представления материалов, форме толкования слов — отражает лексико-семантическое богатство местной народной речи в XX столетии. Он составлен по материалам «Молдавского лингвистического атласа» (ч. I—IV, Кишинев, 1968—1973), сборников «Диалектные тексты» (т. I—II, Кишинев, 1969, 1974), фонограммного архива отдела, архива фольклористов, опубликованных сборников по народному творчеству, монографий, глоссариев и др. Материалы для «Диалектологического словаря» собраны приблизительно в 900 населенных пунктах.

ДС включает слова, имеющие разное территориальное распространение, которые не входят в лексику литературного языка. Например: *керкенец* — лит. улиу «ястреб», *кочь* — лит. бербек «баран», *байб* — лит. сэмпыцэ де угустой «семена чеснока», *куркэрицэ* — лит. ынгрижиторе де курчэ «птичица, которая выращивает индюков» и др.

Носителям молдавской диалектной речи знакомы синонимические названия